

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЮБОВНЫЕ ЭЛЕГИИ	3
Книга первая	5
Книга вторая	23
Книга третья.	41
ГЕРОИДЫ	59
НАУКА ЛЮБВИ	145
Книга первая	147
Книга вторая	173
Книга третья.	199
ЛЕКАРСТВО ОТ ЛЮБВИ	227
СКОРБНЫЕ ЭЛЕГИИ	257
Книга I	259
Книга II	285
Книга III	304
Книга IV	332
Книга V.	356
КОММЕНТАРИИ	383

ЛЮБОВНЫЕ ЭЛЕГИИ

Текст печатается по изданию: Публий Овидий Назон. Элегии и малые поэмы / Пер. с латин. Сост. и предисл. М. Л. Гаспарова. Коммент. и ред. переводов М. Л. Гаспарова и С. А. Ошерова. — М.: Художественная литература, 1973.

© Перевод С. Шервинский, наследники, 2024

КНИГА ПЕРВАЯ

I

Важным стихом я хотел войну и горячие битвы
Изобразить, применив с темой согласный размер:
С первым стихом был равен второй. Купидон
рассмеялся

- И, говорят, у стиха тайно похитил стопу.
5 «Кто же такие права тебе дал над стихами, злой мальчик?
Ты не вожатый певцов, спутники мы Пиэрид.
Что, если б меч Венера взяла белокурой Минервы,
А белокурая вдруг факел Минерва зажгла?
Кто же нагорных лесов назовет госпожою Цереру
10 Или признает в полях девственной лучницы власть?
Кто же метанью копья обучать пышнокудрого стал бы
Феба? Не будет бряцать лирой Аонии Марс!
Мальчик, и так ты могуч, и так велико твое царство,
Честолюбивый, зачем новых ты ищешь забот?
15 Или ты всем завладел — Геликоном, Темпейской долиной?
Иль не хозяин уж Феб собственной лиры своей?
Только лишь с первым стихом возникала новая книга,
Как обрывал Купидон тотчас мой лучший порыв.
Нет для легких стихов у меня подходящих предметов,
20 Юноши, девушки нет с пышным убором волос», —
Так я пенял, а меж тем, открыл он колчан и мгновенно

Мне на погибель извлек острые стрелы свои.
Взял свой изогнутый лук, тетиву натянул на колене:
«Вот, — сказал он, — поэт, тема для песен твоих!»
25 Горе мне! Были, увы, те стрелы у мальчика метки.
Я запылал — и в груди царствует ныне Амур.
Пусть шестистопному вслед стиху идет пятистопный.
Брани, прощайте! И ты, их воспевающий стих!
Взросшим у влаги венчай золотистую голову миртом,
30 Муза, — в двестишьях твоих будет одиннадцать стоп.

II

Я не пойму, отчего и постель мне кажется жесткой,
И одеяло мое на пол с кровати скользит?
И почему во всю долгую ночь я сном не забылся?
И отчего изнемог, кости болят почему?
5 Не удивлялся бы я, будь нежным взволнован я чувством...
Или, подкравшись, любовь тайно мне козни творит?
Да, несомненно, впились мне в сердце точеные стрелы,
И в покоренной груди правит жестокий Амур.
Сдаться ему иль борьбой разжигать нежданное пламя?
10 Сдамся: поклажа легка, если не давит плечо.
Я замечал, что пламя сильнее, коль факел колеблешь,
А перестань колебать — и замирает огонь.
Чаще стегают быков молодых, ярму не покорных,
Нежели тех, что бразду в поле охотно ведут.
15 С норовом конь — так его удилами тугими смиряют;
Если же рвется он в бой, строгой не знает узды.
Так же Амур: сильнее и свирепей он гонит строптивых,
Нежели тех, кто всегда служит покорно ему.
Я признаюсь: я новой твоей оказался добычей,
20 Я побежден, я к тебе руки простер, Купидон.

- Незачем нам враждовать, я мира прошу и прощенья,
Честь ли с оружием твоим взять безоружного в плен?
Миртом чело увенчай, запряги голубей материнских,
А колесницу под стать отчим воинственный даст.
- 25 На колеснице его — триумфатор — при кликах народа
Будешь стоять и легко править упряжкой птиц.
Юношей пленных вослед поведут и девушек пленных,
Справишь торжественно ты великолепный триумф.
Жертва последняя, сам с моей недавнею раной
- 30 Новые цепи свои пленной душой понесу.
За спину руки загнув, повлекут за тобой Благонравье,
Скромность и всех, кто ведет с войском Амура
борьбу.
- Все устроятся тебя, и, руки к тебе простирая,
Громко толпа запоет: «Слава! Ио! Торжествуй!»
- 35 Рядом с тобой Соблазны пойдут, Заблуждение,
Буйство —
Где бы ты ни был, всегда эта ватага с тобой.
Ты и людей, и богов покоряешь с таким ополчением.
Ты без содействия их вовсе окажешься гол.
Мать с олимпийских высот тебе, триумфатору, будет
- 40 Рукоплескать, на тебя розы кидать, веселясь.
Будут и крылья твои, и кудри гореть в самоцветах,
Сам золотой, полетишь на золоченой оси.
Многих еще по дороге спалишь — тебя ли не знаю!
Едучи мимо, ты ран много еще нанесешь.
- 45 Если бы даже хотел, удержать ты стрелы не в силах:
Если не самый огонь, близость его — обожжет.
Схож с тобою был Вакх, покорявший земли у Ганга,
Голуби возят тебя — тигры возили его.
Но коль участвую я в божественном ныне триумфе,
- 50 Коль побежден я тобой, будь покровителем мне!

Великодушен — смотри! — в боях твой родственник
Цезарь,
Победоносной рукой он побежденных хранит.

V

Жарко было в тот день, а время уж близилось к полдню.
Поразморило меня, и на постель я прилет.
Ставня одна лишь закрыта была, другая — открыта.
Так что была полутень в комнате, словно в лесу,
5 Мягкий, мерцающий свет, как в час перед самым закатом,
Иль когда ночь отошла, но не возник еще день.
Кстати, такой полумрак для девушек скромного нрава,
В нем их опасливый стыд нужный находит приют.
Тут Коринна вошла в распоясанной легкой рубашке,
10 По белоснежным плечам пряди спадали волос.
В спальню входила такой, по преданию, Семирамида
Или Лайда, любовь, знавшая многих мужей...
Легкую ткань я сорвал, хоть, тонкая, мало мешала,
Скромница из-за нее все же боролась со мной.
15 Только сражалась, как те, кто своей не желает победы,
Вскоре, себе изменив, другу сдалась без труда.
И показалась она перед взором моим обнаженной...
Мне в безупречной красе тело явилось ее.
Что я за плечи ласкал! К каким я рукам прикасался!
20 Как были груди полны — только б их страстно
сжимать!
Как был гладок живот под ее совершенною грудью!
Стан так пышен и прям, юное крепко бедро!
Стоит ли перечислять?.. Всё было восторга достойно.
Тело нагое ее я к своему прижимал...
25 Прочее знает любой... Уснули, усталые, вместе...
О, проходили бы так чаще полудни мои!

VI

Слушай, привратник, — увы! — позорной прикованный
цепью!

Выдвинь засов, отвори эту упрямую дверь!

Многого я не прошу: проход лишь узенький сделай,

Чтобы я боком пролезть в полуоткрытую мог.

⁵ Я ведь от долгой любви исхудал, и это мне кстати,
Вовсе я тоненьким стал, в щелку легко проскользну..

Учит любовь обходить дозор сторожей потихоньку

И без препятствий ведет легкие ноги мои.

Раньше боялся и я темноты, пустых привидений,

¹⁰ Я удивлялся, что в ночь храбро идет человек.

Мне усмехнулись в лицо Купидон и мать Венера,

Молвили полушутя: «Станешь отважен и ты!»

Я полюбил — и уже ни призраков, реющих ночью,

Не опасаясь, ни рук, жизни грозящих моей.

¹⁵ Нет, я боюсь лишь тебя и льщу лишь тебе, лежебока!

Молнию держишь в руках, можешь меня поразить.

Выгляни, дверь отомкни, — тогда ты увидишь, жестокий:

Стала уж мокрою дверь, столько я выплакал слез.

Вспомни, когда ты дрожал, без рубахи, бича ожидая,

²⁰ Я ведь тебя защищал перед твоей госпожой.

Милость в тот памятный день заслужили тебе

мои просьбы,

Что же — о, низость! — ко мне нынче не милостив ты?

Долг благодарности мне возврати! Ты и хочешь,

и можешь.

Время ночное бежит, — выдвинь у двери засов!

²⁵ Выдвинь!.. Желаю тебе когда-нибудь сбросить оковы

И перестать наконец хлеб свой невольничий есть.

Нет, ты не слушаешь просьб... Ты сам из железа,

привратник!..

Дверь на дубовых столбах окоченелой висит.
С крепким запором врата городам осажденным полезны,
30 Но опасаться врагов надо ли в мирные дни?
Как ты поступишь с врагом, коль так влюбленного
гонишь?
Время ночное бежит, — выдвинь у двери засов!
Я подошел без солдат, без оружия... один... но не вовсе:
Знай, что гневливый Амур рядом со мною стоит.
35 Если б я даже хотел, его отстранить я не в силах,
Легче было бы мне с телом расстаться своим.
Стало быть, здесь один лишь Амур со мною, да легкий
Хмель в голове, да венок, сбившийся с мокрых кудрей.
Страшно ль оружие мое? Кто на битву со мною
не выйдет?
40 Время ночное бежит, — выдвинь у двери засов!
Или ты дремлешь, и сон, помеха влюбленным, кидает
На ветер речи мои, слух миновавшие твой?
Помню, в глубокую ночь, когда я, бывало, старался
Скрыться от взоров твоих, ты никогда не дремал...
45 Может быть, нынче с тобой и твоя поживает подруга?
Ах! Насколько ж твой рок рока милей моего!
Мне бы удачу твою, — и готов я надеть твои цепи...
Время ночное бежит, — выдвинь у двери засов!
Или мне чудится?.. Дверь на своих вереях повернулась...
50 Дрогнули створы, и мне скрип их пророчит успех?..
Нет... Я ошибся... На дверь налетело дыхание ветра...
Горе мне! Как далеко ветер надежды унес!
Если еще ты, Борей, похищение Орифии помнишь, —
О, появись и подуй, двери глухие взломай!
55 В Риме кругом тишина... Сверкая хрустальной росой,
Время ночное бежит, — выдвинь у двери засов!
Или с мечом и огнем, которым пылает мой факел,
Переступлю, не спросясь, этот надменный порог!

- Ночь, любовь и вино терпению не очень-то учат:
60 Ночи стыдливость чужда, Вакху с Амуром — боязнь.
Средства я все истощил, но тебя ни мольбы, ни угрозы
Все же не тронули... Сам глуше ты двери глухой!
Нет, порог охранять подобает тебе не прекрасной
Женщины, — быть бы тебе сторожем мрачной
тюрьмы!..
- 65 Вот уж денница встает и воздух смягчает морозный,
Бедных к обычным трудам вновь призывает петух.
Что ж, мой несчастный венок! С кудрей безрадостных
сорван,
У неприятных дверей здесь до рассвета лежи!
Тут на пороге тебя госпожа поутру заметит,
70 Будешь свидетелем ты, как я провел эту ночь...
Ладно, привратник, прощай!.. Тебе бы терпеть мои муки!
Соня, любовника в дом не пропустивший, — прощай!
Будьте здоровы и вы — порог, столбы и затворы
Крепкие, — сами рабы хуже цепного раба!

VII

- Если ты вправду мой друг, в кандалы заключи
по заслугам
Руки мои — пока буйный порыв мой остыл.
В буйном порыве своем на любимую руку я поднял,
Милая плачет, моей жертва безумной руки.
5 Мог я в тот миг оскорбить и родителей нежно любимых,
Мог я удар нанести даже кумирам богов.
Что же? Разве Аянт, владевший щитом семислойным,
Не уложил, изловив, скот на просторном лугу?
Разве злосчастный Орест, за родителя матери мстивший,
10 Меч не решился поднять на сокровенных богинь?
Я же посмел растрепать дерзновенно прическу любимой,